

ТВОЁ ИМЯ – ТРИ БУКВЫ: **ОСТ**

Ирина Дзюбак

основано на архивных документах

Ирина Дзюбак

Имя твое - три буквы: ОСТ

«Автор»

2025

Дзюбак И.

Имя твое - три буквы: ОСТ / И. Дзюбак — «Автор», 2025

Их лишили дома. Лишили юности. Лишили права выбирать свою судьбу. Во время Вторая мировая война тысячи юношей и девушек были насильно отправлены в нацистскую Германию — на тяжёлые, изнуряющие работы. Эта повесть — о тех, кто прошёл через страх, унижение и боль, но не утратил человеческое достоинство. История о том, как даже в самые тёмные времена рождается сила жить.

© Дзюбак И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
"Я зеркало. Смотрите, как я отражаю Ваш мир, ваш хаос, ..."	7
Топот сапог. Немцы! – листок. Грохот желёз.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ирина Дзюбак
Имя твоё - три буквы: ОСТ

Пролог

Мысль написать о юности, отнятой у молодых людей и брошенной в горнило принудительного труда в Германии, терзала меня давно.

В нашем доме, над отцовской кроватью, словно безмолвный страж, висел портрет его брата: элегантная шляпа, развевающийся плащ, белоснежный шарф.

В далёком 1975 году на экраны триумфально вышел фильм «Помни имя своё», основанный на трагической подлинной истории русской матери, разлучённой со своим ребёнком в адском пекле Освенцима. Помню, билетов в кассе не было, и добрая капельдинерша предложила нам два складных стульчика.

После сеанса отец поведал мне историю о своих родных братьях и юной русской девушке Марии, чьи судьбы, словно трагические нити, были сплетены войной в один горький узел. Их, ещё совсем юных, угнали в Германию.

Одежда она была в длинное изящное платье, шляпку с вуалью и ажурные чёрные перчатки. Необычайно молчаливая. Всего два часа было отведено ей на встречу с сестрой, Таточкой. В пятидесятых годах Мария, так и не вернувшаяся на родину после войны и оставшаяся жить за границей, смогла посетить родной город лишь по краткосрочной туристической визе.

Не прошло и полугода, как отца не стало. Он ушёл ранней весной, о которой так мечтал долгими зимними вечерами. Бывало, погладит мою руку и тихо скажет: «Скоро весна... чувствую, дышать мне станет легче...»

В 2018 году я начала работать в архиве Бад-Арользена в Германии. Описанные места, где братья моего отца и Мария претерпевали принудительный труд, восстановлены по материалам архивных фондов.

Этот рассказ родился из неутолимой жажды вдохнуть жизнь хотя бы в тени минувшего, воскресить имена, обстоятельства и судьбы, поглощённые безжалостным временем. Это были люди, чей век был отмечен мукой, страданием и трагическим финалом — люди, не успевшие раскрыть весь тот блистательный потенциал, что таился в их сердцах.

Голос Марии. И теперь — её голос.

"Я зеркало. Смотрите, как я отражаю Ваш мир, ваш хаос, ..."

Я сегодня, словно под гипнозом, брожу меж сверкающих отражений в магазине, робко выпрашивая цены, выискивая то самое – маленькое, дорожное зеркальце, что уместится в сумочке. Сегодня я вновь застыла перед зеркальной витриной, плененная мучительным вопросом: купить или не купить? Внутреннее напряжение достигло предела, и я не выдержала.

– Татачка! – воскликнула я, обращаясь к сестре. – Давай купим это дивное зеркало!

– Ой, какое хорошенькое! – пролепетала сестра, склонив голову набок.

Я уже протянула деньги, но продавец остановила меня:

– К сожалению, они продаются только парой.

– Мария, ну зачем тебе два зеркала? – удивилась Татачка. – Тебе и одно-то повесить некуда.

– Да я не вешать хочу, а на столик поставить. Знаешь, оно такое оригинальное. Овальное, с причудливым узором по краю. В нем какая-то неуловимая прелесть есть.

Я хихикнула и добавила:

– Но самое главное, я в этом зеркале просто неотразима!

– Ну, если ты в нем красавица, тогда ладно, берем. А во втором ты тоже красавица будешь?

– Да нет, – засмеялась я. – Оно для тебя!

Не успела я и слова вымолвить, как злосчастное зеркало, словно вырвавшись из рук, с оглушительным звоном рассыпалось мириадами осколков. Ужас парализовал меня посреди магазина. В одно мгновение мир словно выцвел, оставив лишь блеклую белизну: и лицо, и пальто, и сумка – все поглотила бесцветная пустота. Я ощутила, как превращаюсь в застывшую ледяную статую, белую глыбу посреди обесцвеченного мира.

"Не переживайте, мы сейчас все уберем. Вы же разбили не дома, а в магазине, так что никакой беды нет".

Разбитое зеркало – к несчастью. Этот суеверный шепот веками передается из уст в уста, пуская корни в нелепые страхи. Говорят, первые зеркала, рожденные в венецианских мастерских XV века, стоили целое состояние. Чтобы уберечь драгоценное стекло от неловких рук слуг, хозяева и придумали грозное пророчество. О Венеции я не знала, но от бабушки слышала: разбить зеркало – накликать беду.

Топот сапог. Немцы! – листок. Грохот желёз.

7 октября 1941 года – день, над Таганрогом нависла тень: немецкие танки, словно железные хищники, разорвав оборону, ворвались в город. И вот она, Венеция и бабушка со своими приметами.

Я работала в школе, бывшей гимназии, где когда-то юный Антон Чехов постигал азы словесности, и меня терзала лишь одна мысль: спасти его бессмертные творения от грядущего пожара. Каждый день, словно крадучись у судьбы, я выносила по книге, пряча их под разошедшимися половицами старого дома. На тихой, еще не тронутой войной улице Гарибальди, я приподняла две доски, и в тайник легли «Черный монах» и «Человек в футляре». В тот же миг к дому подкатил мотоцикл, грубый удар в дверь – и на пороге возник немецкий солдат. Оттолкнув меня, он коротко бросил, что отныне будет жить здесь. Мы с сестрой ютились во флигеле, словно загнанные в угол птицы, трепещущие в предчувствии беды. Оккупанты, солдаты вермахта и их приспешники, установили в городе режим звериной жестокости. Бесконечные обыски, грабежи, изъятие личного имущества стали повседневной реальностью. В гимназии, где некогда звучал звонкий смех чеховских героев, теперь расположилось гестапо, сеющее страх и смерть.

Немец обосновался в нашем доме, а мы с сестрой – в тесной каморке флигеля, словно мыши, забившиеся в нору. Враги методично обирали жителей, выгребая ценности, теплую одежду, белье, одеяла, скатерти – всё, что могло пригодиться немецкой армии или отправиться эшелонами в Германию, как трофеи завоевателей.

У нас была огромная библиотека, сокровищница книг, собраний сочинений, словарей на разных языках. Особенное место занимали тома Пушкина и Блока, их строки звучали как набат, как призыв к сопротивлению. Немец много читал, жадно перелистывал страницы, оставляя на полях пометки и небрежные надписи карандашом. Он читал стоя, меряя шагами длинную гостиную, держа книгу в левой руке, словно оружие.

Сильный, выносливый, сытый оккупант, поглощенный страницами русской литературы... О чём он думал в это время? Что находил в этих строках, написанных врагами? Какая бездна разверзалась в его душе, раздираемой противоречиями?

Утром я приносила ему горячую воду, а когда он уходил, прибирала дом, стараясь не прикасаться к его вещам. Расставляя книги на полки, я шептала цитаты из них, день за днем посылая безмолвный посыл фашисту: Лев Толстой научит тебя уважать и искренне любить, «доброта от холода согреет, добро это любовь...», Александр Сергеевич подарит любовь к Отчизне, родительскому дому – «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!». Какой же я была простодушной и не мудрствующей, веря, что, прочитав произведения русских писателей, немец переродится, и душа его наполнится светом и любовью, что война – это зло, что учение об арийцах – древнейшей расе господ на земле, которая должна править миром, ошибочно, преступно, бесчеловечно.

Мы жили в коконе страха. Городское время было переведено на час назад, по берлинскому образцу. Открывались кафе, рестораны, театр, казино, публичные дома, двери которых были распахнуты лишь для немецких захватчиков. Даже в городском парке скамейки несли клеймо: "Только для немцев".

Наши запасы продовольствия были конфискованы. Мы были обречены на голод.

С весны 1942 года начался ужас – насильственный, массовый вывоз жителей Таганрога в Германию.

Наш двор был необыкновенно красив. Розы, словно предчувствуя беду, благоухали в тот год особенно сильно. В цветнике царили мир и покой, дарующие нам силы жить. В то дивное утро утренняя роса оставила на бархатных лепестках хрупкие, чистые слезинки. Роза

словно плакала, безмолвно оплакивая нашу судьбу. Она не могла говорить, лишь склонив свою головку, она изливала вокруг тонкий, свежий аромат, и этот аромат был ее словами, ее слезами, ее молитвой.

В дверь постучали грубо, отрывисто. "Собирайся!" – приказал староста, словно палач, отмеряющий последние секунды. За спиной взметнулся вихрь отчаянного плача. Сестра, обезумев от горя, рвалась ко мне: "Не отпущу! Ироды!" – захлебываясь кричала она вслед удаляющемуся старосте. Сестра, задыхаясь, успела крикнуть: "Если тебе там будет плохо, просто нарисуй цветок..."

В последний раз я обернулась на родной дом, и взгляд зацепился за окно. Там, в глубине комнаты, стоял немец – в своей излюбленной позе, уткнувшись в книгу. Читал Чехова. Какую именно строчку он выхватил из гениального текста? Может, ту самую, мою любимую: "В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа"? Увидев меня, залитую слезами, он резко, словно от чего-то мерзкого, со злостью задернул занавеску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.